

**ЖУКОВ Алексей Юрьевич / ZHUKOV Alexey**

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences  
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

[zhukov@karelia.ru](mailto:zhukov@karelia.ru)

**РУССКО-ШВЕДСКАЯ ГРАНИЦА 1621 г. В КАРЕЛИИ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ  
В ЖИЗНИ КАРЕЛЬСКОГО НАРОДА\***

**THE 1621 RUSSIAN-SWEDISH BORDER IN KARELIA AND ITS MEANING IN THE  
LIFE OF THE KARELIAN PEOPLE**

**Abstract:** The article is focused on the role of the Russian-Swedish state border that not only divided the Karelian ethnos but at the same time, paradoxically, contributed to reuniting the Karelians within the politico-legal and cultural-religious space of Russia — the one they were used to.

**Ключевые слова / Keywords:** Россия, Швеция, Карелия, карелы, государственная граница, разграничение, переселение, XVII в. / Russia, Sweden, Karelia, Karelians, state border, division, migration, the 17th century.

Принято считать, что граница — это черта, которая отделяет одно целое от другого. Граница может быть абстрактной, в виде сформулированного принципа, когда разделяются понятия, но может быть и вполне физической, в виде черты — «межи», проведённой на местности. Ярким примером тому служит определение-конструкт «государственная граница»: одновременно это и понятие, и полоса местности, разделяющая территории сопредельных государств. В обоих случаях превалирует смысл «разделение», «предел», который подразумевает несовпадение отграниченных пространств.

Но что делать, когда при межгосударственном разграничении отделяется одна часть народа от другой? Именно такую ситуацию мы и наблюдаем в истории русско-шведского разграничения в Карелии в 1621 г. по условиям Столбовского мира 1617 г. Внешнюю сторону разграничения, канву событий мы описывали в отдельной статье<sup>1</sup>. Опыту восстановления линии границы 1621 г. на Сямозерском участке посвящена работа Д. В. Кузьмина<sup>2</sup>. Важные аспекты политики России и Швеции в отношении русско-шведских приграничных противоречий, особенно тему перебежчиков,

---

\* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР, тема «Узловые проблемы истории Карелии. К столетию республики. Научные очерки и статьи», № 0225-2014-0012.

<sup>1</sup> Жуков А. Ю. Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617—1621 гг. // Гуманитарные исследования в Карелии: сб. ст. к 70-летию Института языка, литературы и истории. Петрозаводск, 2000. С. 31—36.

<sup>2</sup> Кузьмин Д. В. Сямозерский участок российско-шведской границы 1621 года (топонимический комментарий) // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 107—112.

проследили ещё А. С. Жербин и А. С. Кан<sup>3</sup>. В последнее время активной разработкой проблем конфликтности в русско-шведском приграничье занимается А. И. Чепель<sup>4</sup>.

В данной же статье будет обращено внимание на восприятие русско-шведской пограничной черты 1621 г., бытовавшее тогда среди карелов. И здесь, как ни парадоксально, обнаруживается, что определяющим выступал вовсе не фактор отделения одной части карелов, оставшихся в России, от другой их части, перешедших в подданство Шведской короны. Нет — главным фактором стал фактор объединения. Выше мы отметили подразумевающееся в обыденном сознании несовпадение ограниченных территорий. Но на самом деле, пространства совпадают — и совпадают они всегда ровно по линии государственной границы, когда одно из них переходит в другое. Иными словами, государственная граница не только разграничивает, но обязательно объединяет, пусть это объединение и выглядит подчинённым по отношению к фактору разъединения.

Данное парадоксальное свойство границы в полной мере проявилось уже при проведении пограничного размежевания. Ещё до самой процедуры демаркации, в конце 1610-х гг., стороны решили расспросить местных старожильцев, к какой административной области относятся их земли, поскольку Столбовский мир зафиксировал отделение границей земель Корельского уезда, переходивших Швеции, от территории Новгородского уезда, остававшегося за Россией<sup>5</sup>. И тут выяснилось, что российские карелы-старожильцы из Поросозера и деревни Реболы в один голос заявили: их земли исстари находятся на «государевой царевой стороне», т. е. не входят в Корельский уезд, и в подтверждение своих слов настаивали на проведении процедуры жребия, предусмотренной Столбовским договором и соглашением о разграничении.

Иными словами, они совершенно не хотели отделяться границей в пользу Швеции, желая сохранять единство со своими соплеменниками, проживавшими

---

<sup>3</sup> Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=469> (01.12.2017); Кан А. С. Столбовский договор 1649 г. // Скандинавский сборник. Таллин, 1956. Вып. 1. С. 101—117.

<sup>4</sup> См., например: Чепель А. И. «Пастухов те воры били до умертвия...»: криминальная обстановка в шведско-русском приграничье после Столбовского мира // *Метаморфозы истории*. Псков, 2014. № 5. С. 370—390. URL: [http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/metami/metami05/metami05\\_23.pdf](http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/metami/metami05/metami05_23.pdf) (01.12.2017); *Его же*. «Твёрдые крепости отделяют нас от них...»: проблема безопасности шведско-русской границы в первые десятилетия после Столбовского мира // *Псковский военно-исторический вестник*. Псков, 2015. Вып. 1. С. 71—77; *Его же*. Преступные сообщества в шведско-русском приграничье в первые годы после Столбовского мира // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы восемнадцатой ежегодной научной конференции (12—13 апреля 2016 г.) / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб., 2017. Вып. 18 (1—2). С. 57—66. URL: [http://www.aroundspb.ru/uploads/history/sbornik\\_north\\_europe/sbornik\\_north\\_europe\\_2017.pdf](http://www.aroundspb.ru/uploads/history/sbornik_north_europe/sbornik_north_europe_2017.pdf) (01.12.2017) и др.

<sup>5</sup> Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII в.: сборник материалов, извлечённых из московского Главного архива Министерства иностранных дел и Шведского государственного архива, и касающихся истории взаимоотношений России и Швеции в 1616—1651 годах. М., 1897. С. 19, 20.

к востоку от них. Более того, ребольцы, чья волость являлась частью Иломанского погоста Корельского уезда, о чём шведы прекрасно знали<sup>6</sup>, даже пошли на сознательный подлог, заявив о своей «новгородской» принадлежности. В результате ребольцы с поросозерцами тянули жребий: с церковного престола ими был вытянут «российский жребий», а не «шведский»<sup>7</sup>.

В споре о государственной принадлежности ситуация с Поросозером (Порозеро, как тогда называлась деревня) была противоположной. Здесь уже шведы заявляли, что эта деревня Пурозеро Корельского уезда, хотя на самом деле она принадлежала Селецкому погосту округа Лопских погостов Новгородского уезда<sup>8</sup>. Поросозерцы даже направили в Новгород к воеводе Данилу Ивановичу Мезецкому своего старосту Лариона Алексеева, информируя того о сложившейся ситуации и намерении шведов вести границу от Поросозера на север, к Княжей губе Белого моря, отделяя таким образом населённые карелами новгородские Лопские погосты от России<sup>9</sup>.

Как видим, в обоих случаях местные жители оказались в ситуации реального выбора — по какую сторону будущей границы им жить. Выбрав сторону России, они выбрали единство с карелами, жившими в России. А как же большинство тогдашних карелов, оставшихся в Корельском уезде Швеции? Они в массе своей тоже сделали выбор, но десятилетиями позже.

А пока стороны после опроса старожильцев приступили к определению линии границы — межеванию, которое закончилось 3 августа 1621 г. Сами русские межевые послы и шведские межевые комиссары имели полномочия, чётко зафиксированные их «верящими грамотами послов полномочных» от 1617 г.: «ехати на рубеж межъ Новгородцкого уезда Олонецкого погоста и межъ Корельского уезда Соломенского погоста у Ладожского озера и там починати дозирати и разлучати и размежевывати те межы и грани...[которые] в вечное время... поступлены и отданы. И на том укрепленная грамота и договор учинити [с русской стороны] крестным целованьем, [а со шведской стороны] — клятвою утвердити»<sup>10</sup>. Приведённый текст не оставляет ни малейшего сомнения в том, что для обоих государств проведение границы было процессом разъединяющим. В самом деле, послы должны были земли осматривать (дозирать),

---

<sup>6</sup> См., например, шведскую Переписную книгу Корельского уезда со «Списком запустений» 1590 г.: *Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta* — История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 282.

<sup>7</sup> Якубов К. И. Россия и Швеция... С. 67, 68.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 96. Сношения со Швецией. Оп. 1. 1620. Д. 1. Л. 115—119.

<sup>10</sup> Там же. Оп. 3. Д. 32. Л. 1. Пергамен. Подлинник.

отделить (разлучить) и провести границу с помощью пограничных знаков («размежевать те межи и грани»), потому что царь отказался от власти над ними (поступился) и отдал Швеции навечно (поэтому Столбовский мир и называется «вечным»); даже процедуру предварительной ратификации послы осуществляли порознь: русские — церковной присягой, шведы — клятвой.

А как процедура происходила на деле? Она очень кратко описана в первой «укрепительной межевой записи» от 25 октября 1617 г.: межи с обеих сторон «праведно сисканы, смотрены и разлучены, и кладены по старожилцовским скаскам в правду, как истари бывали. А грани на тех межах ныне кладены: [с русской стороны] деланы кресты, [а со шведской стороны] деланы коруны, а в ыных местех копаны вопче ямы и насыпаны угольем»<sup>11</sup>. Затем в архивном деле следует подлинный список «Росписи межевалной» государственной границы от 3 августа 1621 г., с описанием всей её линии<sup>12</sup>.

Третья часть межевого дела составляет «Роспись» спорных земель Селецкого, Линдозерского и Ребольского погостов, которые в 1617—1621 гг., частями, шведы отмежевали себе самовольно — «не по договору и без государевых старожилцов». «А ныне та государева земля, которая написана в сей росписи и Реболская вся волость отмежевана в государеву сторону»<sup>13</sup>. Совершенно очевидно, что официальная процедура размежевания происходила в присутствии старожильцев, причём с обеих сторон; если старожильцы одной стороны не являлись на размежевание, процедура считалась незаконной.

Иначе и быть не могло. Новая государственная граница делила земли между карельскими волостями, и указать правильность пограничной черты могли только местные жители, поскольку эта граница ложилась на старинную линию волостного разграничения. Поэтому именно по этим волостным межам, от волости к волости, государственная граница и велась.

Собственно, в русской правоприменительной практике обязательное участие двух сторон-соседей было необходимо для того, чтобы не дать одной волости захватить (присоединить к себе) земли соседней. Например, в 1591 г. царь Фёдор Иванович пожаловал в вотчину Соловецкому монастырю Кемскую волость, в связи с чем было произведено размежевание волости от соседних волостей, с подробным описанием её границы. На «отделе» присутствовали не только кемляне, но и священники, старосты и целовальники, «и старожилцы тутошние и сторонние, и лучшие люди» от всех

---

<sup>11</sup> Там же. Д. 34. Л. 1—2.

<sup>12</sup> Там же. Л. 27—46.

<sup>13</sup> Там же. Л. 48—62.

соседей — Шуерецкой, Шуюзерской, Тунгудской, Панозерской и Топозерской волостей; соседи выступали не статистами, а активными участниками: они «сказали, что...» — и далее в тексте идет описание кемской границы<sup>14</sup>.

А вот обратный пример — неучастия одной из сторон в размежевании. В 1582/1583 г. Клименецкий монастырь получил от царя соседние земли в вотчину. Но их «отдел» не состоялся, потому что местные кижане «не встали на межу», т. е. отказались участвовать в размежевании, считая своим небольшой лесок в пределах отводимых земель. Спор длился до 1599 г., пройдя суды всех инстанций, вплоть до высшего — Боярской думы, приговор которой утвердил царь Борис Годунов. Интересно, что признав неправоту кижан, царь и бояре их так и не наказали, а лишь потребовали провести, наконец, размежевание<sup>15</sup>. И в самом деле, по русским законам кижане имели полное право не «вставать на межу», отстаивая свои интересы в судах.

Так что проведение линии государственной границы тоже являлось обоюдной процедурой, требовавшей объединённых усилий карелов по обе стороны границы. Именно такой объединявшей все стороны процедуры требовало российское законодательство, и она применялась при размежевании.

Подобно кижанам, карелы из лопских Линдозерского и Селецкого погостов, а также Ребольской волости в 1617—1620 гг. не приходили на разграничение. Они были не согласны с первичными отводами своих земель, или части своих земель, шведскими межевыми комиссарами в пользу королевства. И в конечном итоге данные отказы привели к тому, что шведские отделы были признаны незаконными и потребовалась новая процедура осмотра земель, удовлетворившая жителей. Только после неё они «встали на межу», а послы смогли провести «отвод и отдел».

«Роспись» спорных земель, кстати, тщательно перечислила все участки несостоявшегося незаконного отторжения, с указанием их размеров. Приведём лишь три примера. В Линдозерском погосте: от Ирсты-реки по Костому-озеро четыре версты через Куймо-ручей до Леппо-ручья — по длине четыре версты, а поперёк двенадцать вёрст; в Селецком погосте: от устья Выдрика-ручья по Пялвоозерку и по Суне-реке до Пора-озерка (на нём стоит Порозерская волость) до межи меж Иванова озерка да Ловги-вары — по длине одиннадцать вёрст, а поперёк 20 вёрст; Реболы: «по скаске старожилцев поперег же вся Реболская волость верст на двесте, а инде и болши», а её новая граница с Иломанским погостом Швеции в длину 107 вёрст<sup>16</sup>. Ясно, что

---

<sup>14</sup> Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. / под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. С. 319—327.

<sup>15</sup> Там же. С. 368—377.

<sup>16</sup> РГАДА. Ф. 96. Оп. 3. Д. 34. Л. 54, 55, 62.

поставленные в условия неизбежного разграничения местные жители были вынуждены принять в нём участие. Но при этом они постарались отстоять земли своих волостей в неприкосновенности.

Разумеется, право на защиту своих земельных владений сохранялось не только за карелами, остававшимися на российской стороне приграничья, но и у карелов со шведской стороны границы. Пример тому — так называемый «Хюрсюльский выступ» на границе 1621 г., воспроизводимый затем в качестве и административной границы времён Российской империи, и советско-финляндской границы 1918—1940 гг. Надо сказать, что в целом «Межевая роспись» 1621 г. логично описывает линию границы строго по её участкам между волостями, друг за другом, с юга на север. Но вот она доходит до описания участков границы российских Тулмозера и Сямозерья, с одной стороны, и шведской Суоярвской волости (она же Шуезерская выставка) — с другой. И что же?

В тексте вдруг появляются отдельными участками границы владений двух суоярвских деревень Кайбонаволока (ныне это Кайпа, район г. Суоярви) и Гулсюлы (ныне — Хюрсюля). А именно: после окончания участка границы между волостями — российской Тулмозерской и шведской Суйстамской (Шустамской выставки) началась межа «Корелской стороны Кайбанаволока и Гулсюля-деревни» с Тулмозерской волостью Олонецкого погоста (следует её описание); затем, на Курондоском пороге на Коронде-реке, «скончалась межа» между Тулмозерской волостью и Хюрсюля, и началась «самозерских деревень межа с Корелского уезду з деревнею с Кабо же наволоком» — следует её описание до Сон-неми на Левие-озерке, — «и туто скончалась Корелского уезда Кайбонаволока межа», а началась «Шуезерские выставки межа с Олонецкого погоста Самозерскою волостью»<sup>17</sup>. Предпринятое нами с Д. В. Кузьминым исследование показало, что описание линии границы на этих трёх участках в целом повторяет линию будущих границ XVIII—XX вв., с небольшими изменениями в обе стороны — до нескольких сотен метров, не более<sup>18</sup>. (Очевидно, отмеченные территориальные изменения произошли во времена Российской империи, когда граница являлась административной чертой.)

Другими словами, «Хюрсюльский выступ» — это не что иное, как восточные границы владений двух суоярвских деревень Кайбонаволока и Хюрсюля, которые были узаконены в 1621 г. в качестве государственной границы. И вот почему сама линия

---

<sup>17</sup> Там же. Л. 35об.—36об.

<sup>18</sup> Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV—XVII веках // История и культура Сямозерья. С. 41—106; Кузьмин Д. В. Сямозерский участок российско-шведской границы 1621 года (топонимический комментарий).

границы оказалась так прихотливо изогнута: деревенские владения, конечно, имеют менее плавные очертания, чем границы волостей. Таким образом, в основе приграничного размежевания находились всё же границы деревенских владений, когда границы самых крайних деревень волостей становились волостными границами, а тем, в свою очередь, по необходимости приходилось становиться участками государственной границы. Известно, что крестьянские семьи, крестьянские дворы владели не землями волости вообще, а «своими участками деревенскими»; сумма таких участков и являлась владениями каждой деревни, владения деревень складывались в территорию волости. Поэтому право собственности (или право владения) и право отстаивания этой собственности в судах сохранялось и за крестьянским двором, и за волостью. Данный неизменный государственно-юридический порядок и был в полной мере востребован местными жителями при пограничном разграничении в 1617—1621 гг.

Где именно должна была проходить линия границы — между деревнями или между волостями, всегда решали местные жители и их соседи, т. е. заинтересованные стороны. И «Межевая роспись» 1621 г. даёт тому яркий пример. В ней имеется небольшой подраздел, в котором указаны расстояния между крайними деревнями волостей по обе стороны границы до самой пограничной черты. С российской стороны там указаны только те деревни и их земли, «в которые вступались немцы» (т. е. на которые претендовали шведы), напомним, это деревни Линдозерского погоста, Поросозерской волости Селецкого погоста и деревни Ребольской волости.

Поросозеро являлось вотчиной Валаамского монастыря, поэтому её границы были давно определены, соответственно, расстояния представлены в следующем виде: от центра волости Порозера до межи Белого озера и до Логви-вары — по 22 версты, а от Корельского уезда деревни Салма-озера — по 20 вёрст, и т. д. — везде разные расстояния, что вполне естественно: одни деревни стояли ближе к границе, другие — дальше. Но совсем иное дело — расстояния до границы от чернососных (государственных) деревень Линдозерского погоста и Ребольской волости и от стоявших напротив них чернососных же деревень Корельского уезда — здесь они *езде одинаковы*.

Например, от линдозерской деревни Пялвозерская волость и от корельской Шуезерской деревни до межи Каттелы-ламбы — по 26 вёрст, а до межи Тертютяева ручья — по 30 вёрст; от ребольской деревни Лендеры и от корельской деревни Кичи-на-Бору до межи Габи-озера Верхнего — по 20 вёрст, а до межи Рого-ламбы и Нагряз-

вары — по 15 вёрст<sup>19</sup>. Такая ситуация просто не могла сложиться ранее, сама собой, до размежевания. Скорее всего, именно местные жители, лендерцы и ребольцы с одной стороны и суоярвцы с иломанскими жителями — с другой, сами договорились между собой, чтобы государственная граница прошла ровно посередине между их крайними деревнями, т. е. восторжествовал объединяющий всех принцип: «поровну — значит справедливо». Вот так местные карелы на своём уровне ответили на несправедливую, по их мнению, границу 1621 г., которая разделяла этот народ.

Но раз граница была проведена, утверждена послами и ратифицирована в обеих столицах, приходилось с этим смириться и строить свою жизнь, исходя из новых реалий, в том числе реалий «приграничности». Так, Столбовский мир запретил сторонам не только «нарушать между», но и вести хозяйственную деятельность в пределах половины версты от линии границы.

И вот, 12 июня 1624 г. новгородские власти получили от шведского «державца» Кексгольма (Корелы) жалобу на незаконное возделывание подсеки на шведской стороне границы, в Суоярвской волости Кексгольмского лена. Но через год, 13 сентября 1625 г., уже олонецкие тулмозерские крестьяне жаловались на суоярвцев, обвиняя их в том же самом. Межгосударственный конфликт был разрешён выездом на место комиссий от обеих сторон, которые, в полном соответствии с традицией, договором и законами, не только взяли с собой межевальные книги, но и привлекли окрестных старожильцев. 18—19 ноября 1625 г. состоялся их «съезд» на пограничной черте 1621 г. В результате было установлено, что суоярвцы обманом поставили на российской стороне, в двух верстах от истинной линии границы, поддельные пограничные знаки, не отличимые от настоящих. Но поскольку опрашиваемые под присягой старожильцы с обеих сторон вели саму линию границы в 1621 г., то подлог был тут же обнаружен. Шведский комиссар Нильс Нильссон приказал *повесить* прямо на линии границы создателей фальшивой межи, и в *компенсацию за ущерб* признал принадлежащим российской стороне весь высеянный суоярвцами обманом хлеб. Обо всём этом 6 декабря 1625 г. доложил в Новгород возглавлявший русскую сторону Филипп Арцыбашев<sup>20</sup>.

По существу, в этом конфликте стороны *имитировали «состояние войны»* — с наступлением, отступлением и даже с наказанием смертью проигравшей стороны и выплатой контрибуции победителю. Но следует подчеркнуть, что такого рода коллизии не являлись чем-то исключительным, характерным для жизни лишь в приграничье. В действительности мы имеем дело с типичным примером отстаивания

---

<sup>19</sup> РГАДА. Ф. 96. Оп. 3. Д. 34. Л. 44—46.

<sup>20</sup> Там же. Оп. 1. 1626. Д. 1. Л. 13—45, 141—152.

своих владельческих прав крестьянской общиной, волостным сообществом, лишь «отягощённым» приграничным антуражем, которым была продиктована суровость наказания. На самом же деле, повторим, поведение сторон по поводу нарушения межи глубоко традиционно.

В доказательство приведём пример даже не московского периода истории России, а более древнего, новгородского времени. Мы провели сравнительный анализ текстов двух юридически обязывающих документов — Ореховецкого мира 1323 г. между Новгородом и Швецией и соглашения 1375 г. между чёлмужским боярином Григорием и местной крестьянской общиной, граничившей с его вотчиной. Оба источника обнаруживают поразительную схожесть и формуляров, и юридической терминологии. Вначале стороны скрупулёзно перечисляют участников соглашения. Затем в договоре 1323 г. говорится: «докончали есмы миръ вечный», т. е. полномочные послы заключили мирный договор, а в акте 1375 г.: «докончаша миръ... миръ взяли», — *как если бы до того стороны вели между собой полноценные боевые действия*. Потом объяснялись причины конфликта и его прекращения: Ореховецкий мир прекращал войну из-за Корельской земли «по любви» — компромиссным признанием трёх западно-карельских погостов за Швецией, а крестьяне спорили с боярином из-за земель в Чёлмужском погосте и тоже «урядили» (пришли к соглашению-компромиссу). Далее оба источника перечисляли договорные условия. Корельской земле стороны дали «розвод и межу» — и следует описание линии государственной границы. Точно так же акт 1375 г. устанавливал межу, которая и описывалась. В заключение оба документа фиксировали дополнительные условия: в 1323 г. — о праве новгородской карельской знати на их вотчинные земли и воды в уступленных погостах, с запретом шведам претендовать на них («а то все к Новгороду»); «мировая» же 1375 г. прямо объявляла все «земли и воды» на вотчинной стороне собственностью чёлмужского боярина Григория и его наследников<sup>21</sup>. Как видим, оба источника были составлены в одном политико-правовом ключе, их однотипные клаузулы твёрдо следуют единой последовательности. Всё это отражало одинаковое отношение к самому феномену границы — что государственной, что вотчинно-волостной. Данное отношение унаследовал и московский период истории северной России.

Например, в 1535 г. игумены двух заонежских монастырей, Муромского и Палеостровского, подали друг на друга встречные иски о праве вотчинной собственности на Уносские острова на Онежском озере. Посланные для

---

<sup>21</sup> Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 67—68 (№ 38), 285 (№ 284); Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII в. Петрозаводск, 2013. С. 179—180.

предварительного разбирательства на место судьи Третьяк Кривякин и Спиридон Михайлов 14 сентября 1536 г. провели предварительное судебное разбирательство в форме открытого судебного процесса. На нём аргументы в свою пользу выдвигали обе стороны, сторонние свидетели склонялись в пользу муромцев. И тогда обе стороны «поимались на поле», заявив судьям «лезем на поле биться, дайте нам племянника» — т. е. утвердите нам бойцов-поединщиков, которые в открытой схватке выяснят правоту: чей боец будет в поединке сильнее — та сторона и права. Таким образом, «тихие обитатели» заявили о древнем праве на «Божий суд», ордалию. Конечно, в то время Божий суд еще разрешался законодательством, но государство старалось заменить его, где только возможно, судоговорением, исключая натуральное «поле». Вот и в данном случае судьи направили истцов на разбирательство в Новгород, и в 1538/1539 г. новгородский дворецкий вынес приговор в пользу Палеостровского монастыря (взыскав с Муромского все судебные издержки), но разделил Уносские острова поровну между обителями. Затем, в 1540 г., судья Спиридон Михайлов вместе со сторонами конфликта и окрестными старостами и лучшими людьми создал новую границу-межу между вотчинами монастырей на Уносских островах и прилегающих материковых землях<sup>22</sup>.

Кстати, до сих пор мы употребляем выражения «судебный поединок», «судебное поле», «на поле судебного процесса (разбирательства)». Это реминисценция именно старинного обычая Божьего суда. Без поединка = войны — нет и мира, а воплощением мира становится граница, будь то граница между государствами или межа между владениями внутри страны. Можно предположить, что и сам конфликт 1375 г., который закончился *миром* и устройством *межи*, тоже состоял из физических стычек между местными крестьянами и вотчинными ватагами, но об этой обязательной по логике стороне дела акт 1375 г. умалчивает. Зато судебное решение «Правая грамота» Палеостровскому монастырю 1538/1539 г. (по существу, это протокол судебного процесса) прямо фиксировала обоюдные стычки, погромы, воровство добычи и порчу имущества.

Условия проживания в приграничье заставляли жителей и власти особенно ревниво относиться к защите «своего». Но столь же традиционно проявлялось и поразительное равнодушие к потерям «чужой стороны» (конечно, если при этом не задевались собственные интересы и честь своего государя). Ярко, на контрасте с предыдущим делом 1624—1625 гг., данное утверждение доказывает другое дело о порче пограничной межи, 1646 г. 5 июня Посольский приказ получил донесение от

---

<sup>22</sup> Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. С. 131—141, 141—143.

оштинского воеводы И. И. Нащёкина (Ошта тогда являлась центром областного управления для Заонежских погостов) о порче пограничного знака у Кангасозерской заставы, т. е. на самом севере олонекского приграничья. Воевода доложил о показаниях стрельца Тимофея Лукина, посланного сыщиком Матвеем Арцыбашевым, который разбирался там с делом о «корелских выходцах» (карелах, бежавших из Швеции в Россию). Сыщик услышал от местного крестьянина, что «на немецком-де рубежу дерево межевое посечено». Он лично провёл сыск и установил, что со шведской стороны «немецкой болван высечен», т. е. попорчен, а с российской — «крест Господен цел». Поэтому воевода Нащёкин тут же приказал старосте Сязозерской волости Тимофею Степанову, священникам и волостным людям произвести осмотр межевого дерева и разобраться, «кто имянем крестьян то дерево межевое посек и грани истесал?». Осмотр показал, что на дереве имелись старинные затёсы и следы от копья, но сами «грани» целы, а крестьяне не знают, когда и кто испортил шведский пограничный знак<sup>23</sup>. Никаких мер по докладу воеводы Посольский приказ не предпринял: «государева честь» не была задета (свой пограничный знак остался невредимым), а к попраению «чести» шведской королевы Кристины посольские отнеслись вполне равнодушно, поэтому даже не сообщили шведам о порче их пограничного знака.

Вполне вероятно, кстати, что многоопытные посольские дьяки предположили, что шведский пограничный знак был испорчен каким-нибудь «корелским выходцем», что называется, в отместку. А при принципиальной неразрешимости проблемы беглецов-карелов, постоянно отравлявшей отношения между Россией и Швецией после Столбовского мира (см. ниже), сообщать про напоминавшую о ней порчу знака было дипломатически неразумным, всё равно что злонамеренно раздирать незаживающую рану оппонента.

Так, зимой 1648 г. в целях усиления своих переговорных позиций перед очередными дипломатическими встречами в Стокгольме Москва озаботилась сбором показаний местных приграничных жителей об «обидных делах», возникших из-за действий шведской стороны. Для этого в Заонежские и Лопские погосты был направлен сыщик И. В. Колобов. У олончан, которые вели широкие торговые дела в Швеции и дома со шведами, нашлось множество материала для записей в «обидные книги». В отличие от них, приграничные северяне, которые вели контрабандную торговлю со шведскими поданными, отказались сообщать об обидах, ловко сведя понятие «обида» к нарушению линии границы. Линдозерцы, например, 16 марта даже выезжали

---

<sup>23</sup> РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1646. Д. 1. Л. 174—175.

с сыщиком к пограничной черте «и досматривали: и межи, и рубежи, и признаки целы стоят по старому»<sup>24</sup>. Их соседи семчезерцы 20 марта клялись, что им «от немецких людей... обид некоторых не было»<sup>25</sup>. Тогда же крестьяне Селецкого погоста ответили сыщику: шведские подданные «насильств никаких не чинят, и сенных покосов не косят, и в чёрных лесах пашню на государевой земле самоволством не пашут, и звериных ловель не отнимают, и межевых знамён и граней... не секли»<sup>26</sup>. Столь же не расположенными к сотрудничеству с властями по поводу своих «обид» оказались жители Паданского и Шуеозерского погостов. До самого северного из лопских Панозерского погоста комиссия Колобова так и не добралась, потому что шуеозерские крестьяне сказали, что погост этот от них далеко, и дорог туда не имеется (что на деле являлось явной ложью)<sup>27</sup>.

К тому времени Заонежские погосты находились в стадии административного реформирования (правительство готовилось к созданию Олонецкого уезда), и, воспользовавшись этим, олончане попытались вообще ослабить контроль властей за линией государственной границы. 28 января 1649 г. назначенный заставным головой Прохор Забелин жаловался, что олончане прекратили давать ему проводников и гребцов для выезда на заставы и, более того, отказались снабжать его казаков едой и дровами (те все «голодною и холодною смертью помирают») и уже выгнали их из приграничной Видлицы, угрожая «смертным убийством» и хвастаясь: «как-де вам из Великого Новагорода перемена придёт, казаки, и мы-де тех казаков во дворы не пустим стоять». В челобитье на имя царя Прохор Забелин констатирует: «И я, государь, по се время стою на одном мисте, а по заставам ехать ни на чем, подвод и дьячка не дадут. И я не домышлю, как стало заставы крепить?»<sup>28</sup>. Решили проблему пограничной службы, т. е. установили твёрдый контроль за границей, московские власти только после учреждения в том же 1649 г. Олонецкого уезда во главе с воеводами нового города-крепости Олонца, которые и стали начальниками всего олонцкого приграничья, в том числе и пограничных застав.

Очевидно, пограничные заставы появились в Олонецком крае в 1630-х гг., потому что ещё в 1630 г. (не ранее 18 июля) воеводы Новгорода напомнили Москве об их

---

<sup>24</sup> Там же. 1648. Д. 1. Л. 224—225.

<sup>25</sup> Там же. Л. 226—226об.

<sup>26</sup> Там же. Л. 227—227об.

<sup>27</sup> Там же. Л. 229—229об., 230—231. Ещё во времена Первой шведской интервенции, т. е. в конце XVI в., приграничные панозерцы эвакуировались в Шуеозерский погост, в Тунгуду; поэтому «Отдельную книгу» 1591 г. Семёна Юрина на Кемскую волость подписали, в ряду прочих, «Тунгудской и Панозерской волости» староста и крестьяне (Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. С. 327).

<sup>28</sup> РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1649. Д. 1. Л. 78—79об., 80—82.

отсутствии, что нивелировало усилия самих новгородских уездных властей по контролю за приграничьем. Конкретно воеводы докладывали: за исключением самого северного олонецкого и лопского приграничья в остальной приграничной полосе уезда — от Сумерской волости до Ладоги и устья Свири «о перебежчиках указы учинены крепкие... И перебежчиков, государь... не принимают, а отсылают их назад»; по новгородской границе со Швецией «по всем деревням, и по болшим, и по лешим дорогам, и по малым стежкам, и по рекам... поставлены заставы крепкие для перебежчиков» (т. е. для поимки беглецов); при этом начальник заставы с Ладоги доносил в Новгород, что перебежчики в основном идут через Олонецкий погост, а оттуда многие из них следуют на Белоозеро и Тихвин; новгородские воеводы сообщали, что уже написали воеводе Ошты Ивану Лутохину, чтобы он также учинил на своей территории, в олонецком приграничье, такие же крепкие заставы, как в Новгородской земле<sup>29</sup>.

Как видим, в своём донесении воеводы предложили путь к установлению контроля за карельским приграничьем силами оштинских воевод, которые и отвечали за весь Олонецкий дворцовый округ в целом. Но из вышеприведённой жалобы заставного головы Прохора Забелина следует, что казаки на олонецкие заставы присылались не из Ошты, а из Новгорода («как-де вам из Великого Новагорода перемена придёт, казаки»). Из данного свидетельства вытекает вывод о том, что Москва утвердила иной вариант установления надзора за границей, нежели предлагали новгородские воеводы: Кремль сконцентрировал контроль за всей линией границы со Швецией в одних руках — новгородской уездной администрации. И такой порядок, напомним, существовал до создания в 1649 г. Олонецкого уезда.

На первый взгляд, может показаться, что Москва тем самым ревностно соблюдала условия Столбовского мира, который прямо запрещал сторонам отказывать в выдаче беглецов. Но наблюдая за административной практикой тех лет, мы можем с большой долей уверенности утверждать, что назначая Новгород ответственным за пограничную службу на всей линии русско-шведской границы, Москва тем самым постаралась саботировать невыгодное для себя условие мирного договора. Ведь она отлично знала, что со стороны Швеции в Россию бегут во много раз больше человек, чем из России в Швецию. Поэтому если контроль за карельскими участками границы был бы возложен на местных оштинских воевод, то охрана государственной границы была бы действительно твёрдой, вполне сравнимой с той, которая имела на

---

<sup>29</sup> Там же. 1630. Д. 1. Л. 45—48.

новгородских участках пограничной черты. Новгородские же власти на деле могли посылать в отдалённые карельские места лишь разъездные команды своих казаков, никак не используя главный фактор в охране границы — возможности местного приграничного населения. Последнее оставалось под властью воевод Ошты и всегда могло сослаться на отсутствие прямого оштинского распоряжения. Таким образом, Москва сама намеренно затруднила контроль за карельскими участками границы — к собственной выгоде.

А проблема карельских беженцев из Швеции в Россию действительно стояла довольно остро. Поначалу, пока в 1621 г. не была твёрдо прочерчена новая линия границы между Россией и Швецией в Карелии, российские власти даже отговаривали готовых к бегству карелов немедленно переселяться «под высокую царскую руку»; в 1610-х гг. бегство носило ещё характер единичных случаев. Но уже с 1620-х гг. карелы стали покидать Кексгольмский лен в значительных количествах. В РГАДА сохранился русский перевод шведской «Именной росписи беглых крестьян с Корелы и Корельского уезду» (перевод от 23 октября 1635 г.), в котором расписаны по годам, погостам и деревням зафиксированные шведами случаи такого «бегства»<sup>30</sup>. Из росписи следует, что очень многие бежали вместе с детьми (указаны только мальчики, очевидно, как несостоявшиеся шведские налогоплательщики). По нашим подсчётам, в «Именной росписи» отмечено 1690 случаев бегства, из них 1103 случая — бегство семьями (типично: отец и двое-трое сыновей, или просто: такой-то «с семьёй», без указания состава) и 587 случая — бегство по одному. Поэтому только из указанной росписи следует, что общее число бежавших из лена карелов (мужского и женского пола) в 1620—1635 гг. составляло не менее пяти с половиной тысяч человек.

Причина бегства, как правило, не называлась, она указывалась только буквально в нескольких случаях — при совершённом на родине (в лене) преступлении. Причём такими «ведомыми разбойниками» были не только карелы, но и финны и шведы. Например, в 1628—1630 гг.: из Елгинского погоста, деревни Гонга сбежал Иван Гаву с сыном — сообщалось, что он живёт в деревне Сяси «для убийства» (т. е. сбежал из-за обвинений в убийстве), из деревни Завикумбу Гейка Песом-пойка Гирайнен с сыном — «живёт на рубеже в деревни Конду (т. е. в Погранкондушах. — *А. Ж.*) и приходит ныне за рубеж: грабит и крадёт», из деревни Сароксен — Павелко Легикойнен с сыном, сбежал «для убийства»; «из Нишлоцкого уезда из Савакса збежал кнехт Ларс Кнутсон, а по-русски ему дали имя Андрюшка (иными словами, он перешёл в православие, при

---

<sup>30</sup> Там же. Ф. 27. Приказ тайных дел. Оп. 1. Д. 18. Л. 428—550.

котором давалось новое русское имя «по святцам». — А. Ж.), живёт на Свири в Пиркинском погосте, и приходит сюда, и крадет, и розбивает»; из Угменского погоста, из деревни Ньюкала Тихонка Романов Гай — «ныне збежал и подговорил с собой мужнину жену» (т. е. сбежал вместе с чужой женой), из деревни Колатома (в 1631 г.) Павелко Гинзерсон с сыном — живёт на Валкозере, «збежал, убив человека»<sup>31</sup>. Но повторим, это именно единичные случаи.

Во многих случаях шведы знали, в какой местности и даже в какой именно деревне селились беглецы-карелы. Среди этих сведений, конечно, широко представлены деревни и местности приграничных Заонежских погостов, особенно Олонецкого и присвирских («на Свири», «в Важеных», «на Ояти» и т. д.), а также почти всех Лопских погостов Новгородского уезда и Ребольского погоста Кольского уезда. Из более отдалённых местностей в основном указывались новгородские: «на Мсте», «на Тихвине», «на Боровичах», «на Сясе», «на Паше», «на Ладогге», «на Волхове», «в Сермаксе»; но также: «на Вологде», «на Белоозере», «на «Москве» и даже «в Арзамасе» (шведская разведка работала хорошо)<sup>32</sup>.

Но результат этого очередного требования шведов по соблюдению Россией условий Столбовского мира оказался почти нулевым. Москву не устраивал невыгодный для неё принцип выдачи «всех на всех». Ещё в 1622 г. аналогичное требование шведов вернуть карелов натолкнулось на контртребование Москвы об *обоюдном и одинаковом возврате беглецов — строго по принципу паритета*. Поскольку бежавших из России в Швецию всегда было в разы, а то и на порядок меньше, чем из Швеции в Россию, то тем самым Кремль политико-дипломатическим путём обезопасил себя от обвинений в злом невыполнении условия Столбовского «вечного мира» о выдаче перебежчиков. Более того, когда в результате шведского посольства в Москву в 1634 г. русская сторона все же согласилась первой начать выдавать беглецов и «на пробу» в 1636 г. отдала 300 человек (в основном обвиняемых на родине в преступлениях), она не дождалась ответного возврата «царских изменников» — и уже сама с радостью обвинила Стокгольм в нежелании выполнять условия Столбова. Так недалёковидная и своекорыстная позиция шведов освободила Россию от невыгодного ей пункта «мира» о выдаче *всех* перебежчиков.

Теперь Москва придерживалась *принципа невыдачи единоверцев*, он распространялся и на бежавших из пограничного шведского лена финнов и шведов, которые перешли в России в православие. Успешному отстаиванию Москвой своих

---

<sup>31</sup> Там же. Л. 429, 432, 434.

<sup>32</sup> Там же. Л. 428—550.

новых позиций помогла и общеевропейская Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.), в которой Швеция участвовала, заметно теряя силы и потому остро нуждаясь в льготных закупках в России продуктов для военных нужд.

А по окончании войны Кремль успел создать в российской Карелии корпус «полков нового строя», основать сильную крепость Олонец и образовать Олонецкий уезд, твёрдо управляя через воевод и полками, и жителями (1649 г.). Поэтому новое шведское посольство 1647 г. получило только формальное обещание вернуть беглецов-карелов, зато ответное русское посольство 1649 г. добилось *признания Швецией всех бежавших в Россию до 1647 г. «вечными подданными» царя*. Не бесплатно, конечно: за 50 тысяч человек беглецов (не только православных карелов и русских, а вообще всех, перебежавших со шведской стороны в Россию и перешедших в православие) Москва выплатила Стокгольму 190 тысяч рублей золотом<sup>33</sup>.

Мы можем с уверенностью сказать, что с этого времени, по крайней мере с середины 1630-х гг., конкретная физическая черта государственной границы со Швецией наполнилась для официальной Москвы религиозным смыслом и понятием «рубежа веры», а обычная охрана границы стала приобретать религиозный смысл и значение «охраны веры».

За беглецов 1648—1650 гг. Россия откупилась деньгами и хлебом из псковских житниц (что, кстати, послужило поводом для мощного антиправительственного Псковского восстания 1650 г.). Но уже в 1661 г., по результатам Русско-шведской войны 1656—1658 гг., был заключён новый «вечный мир» в Кардисе, по которому *Швеция отказывалась вообще от всех своих подданных, успевших перейти в Россию с 1617 по 1661 г.* — и от православных карелов и русских, и от финнов и военнопленных-шведов, которые перешли в православие<sup>34</sup>.

Местному населению российской части Карелии было выгодно привечать у себя беженцев. В соответствии с российской фискально-юридической практикой государственные налоги назначались по результатам очередных переписей населения, которые проводились примерно раз в 20—30 лет. При этом налоги распределялись не по дворохозяйствам и семьям в отдельности, а в целом по погостам (районам) и волостям, из которых состояли погосты. Но на местах местное крестьянское самоуправление всё равно собирало налоги с дворохозяйств и семей. Поэтому чем многочисленнее между переписями становились каждые погост и волость, тем, в конечном счёте, меньшая

---

<sup>33</sup> Дело о взаимобмене между Россией и Швецией перебежчиками, 1631—1651 гг.: Там же. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 2. Д. 622. 13 л.; Кан А. С. Стокгольмский договор 1649 г. С. 116.

<sup>34</sup> Подробнее см.: Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке.

сумма налогов приходилась на каждое дворохозяство и семью. Именно по этой главной причине местное самоуправление поддерживало перебежчиков-карелов, обеспечивая их пустовавшими землями для обзаведения хозяйством.

Яркий пример находим в строках «извета» (доноса) жителя лопского Селецкого погоста Фёдора Филиппова на лендерцев (не ранее 12 января 1628 г.). Фёдор сообщал, что его отец купил в соседней Лендерской волости Ребольского погоста сенокосы, но теперь лендерцы во главе со старостой волости их у него, Фёдора, отобрали и передали во владение карелам, бежавшим из шведского Корельского уезда (Кексгольмского лена); и такая практика являлась вполне обычным делом повсюду в приграничных ребольских волостях, свидетельствовал Фёдор Филиппов<sup>35</sup>.

Выше отмечалось, что Швецию покидали не только карелы, но и другие шведские подданные — лютеране, которых в России называли «латышами»<sup>36</sup>. Их тоже привечали в карельских селениях. Архив сохранил рукописную книгу «Розыска» карелов и «латышей» в Двинском уезде стрелецкими головами Семёном Толбугиным, Василием Малыгиным и Яковом Тургеневым от 11 февраля — 1 марта 1650 г.<sup>37</sup> По указу царя и распоряжению Приказа сыскных дел головы переписывали в уезде «карелов и латышей». Их старания увенчались успехом только в вотчине «на Исаковой горе» местного Троицкого Антониево-Сийского монастыря. Здешние старосты подали ему «Роспись Свейские земли перебещиком кореляном и латышам, которые перешли в государеву сторону с свейские королевы стороны после вечного dokonчания Столбовского договору со 125-го году и живут на государевой стороне по 156 год»<sup>38</sup> (т. е. с 1617 по 1648 г.: напомним, Москва готовилась к переговорам в Стокгольме).

Выяснилось, что в вотчине проживали два «выходца» 1618 г. Первый — Лучка Фёдоров, «латыш» из «Шяв-городка» (он же «Шавский городок» — русское название Савонлинны в Финляндии): сначала жил в деревне Реболы шесть лет, потом три года в Суме (ныне село Сумпосад), затем смь лет на Нижмозере и в Унском усолье и, наконец, 13 лет живёт в монастырской вотчине; «а живота (т. е. имущества. — А. Ж.) из Свейские земли у Лучки с собою не было ничего»; у него был сын Кирилко десяти лет и две дочери. Второй «выходец» — Лёвка Борисов: бежав с отцом-«латышом», они 24 года жили «в Кореле в Панозере Новгородского уезду», где отец и умер, а он, Лёвка,

---

<sup>35</sup> РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 18. Л. 146.

<sup>36</sup> Первоначально *латыши* — люди «латинской веры», т. е. католики, а с начала Реформации — и протестанты, например, шведы или финны — лютеране.

<sup>37</sup> Российская национальная библиотека (далее — РНБ). Отдел рукописей. Ф. 532. Оп. 2. Д. 864. 119 л.

<sup>38</sup> Там же. Л. 36—38.

перебрался на три года в Вологду, а затем последние три года живёт в Исаковой горе; жены и детей не имеет, «живота с собою не принёс»<sup>39</sup>.

Примечателен «адрес» проживания Лёвки в Панозере, записанный, очевидно, с его слов: «в Кореле». Воспринять это название «латыш-выходец» мог только на месте, в Панозере. Это свидетельство консолидации карельского народа, когда Корелой называлась уже не только приладожская Корельская земля (как во времена Великого Новгорода), но и самая её северная окраина. И пусть московское административно-территориальное деление пока не использовало слово «Корела» как название единой области проживания карелов в России: Лопские погосты входили ещё в Новгородский уезд, Заонежские погосты — туда же, но составляли отдельное в управлении Оштинское воеводство — дворцовый округ. Однако местное карельское население само определилось с названием, распространив древнее имя на всю область своего тогдашнего проживания. Следующий этап консолидации карелов наступил в 1649 г., с образованием Олонецкого уезда, объединившего почти всех российских карелов в одну административно-территориальную единицу.

И вновь на всех представленных примерах о карелах-«выходцах» мы видим парадоксальность феномена границы. Пограничная «межа», которая была призвана «разлучить» территорию и жителей обоих государств, на самом деле *помогала воссоединению карельского народа*: она совершенно законно препятствовала шведским властям самим немедленно возвращать несостоявшихся подданных своей Короны, а российская сторона силой государства, своей политикой «охраны рубежей», в т. ч. «рубежа веры» (невыдача единоверцев), препятствовала обратной выдаче многих тысяч бежавших.

А в русско-шведской войне середины XVII в. вообще встал вопрос о ликвидации самой этой рубежной черты 1621 г., причём при активнейшем участии олонецких и кексгольмских карелов.

Вторжение русских войск в Кексгольмский лен в июне 1656 г. было поддержано местным карельским населением, с его помощью две с половиной тысячи солдат из «полков нового строя» Олонецкого уезда быстро заняли почти всю территорию лена и осадили Кексгольм. По существу, граница 1621 г. была ликвидирована. Когда осаду Кексгольма пришлось снять и спешно возвращаться в Олонецкий уезд, в который в ответ вторглись уже шведские войска, то вместе с войсками и под их прикрытием

---

<sup>39</sup> Там же. Л. 38.

уходили в Россию и многие тысячи кексгольмских карелов. Граница вновь была восстановлена. Такова общая канва военных событий. Но интересны подробности.

К лету 1656 г. у олонцкого воеводы П. М. Пушкина, командовавшего олонецкими полками, было всё готово к рейду на Кексгольм, в котором имелся только слабый гарнизон в 250—300 солдат; с этим рейдом и должны были начаться боевые действия в шведском лене. Но внезапно 19 мая к Олонцу пришёл отряд стрельцов под командой Енаклыча Челищева, который имел полномочия на мобилизацию 100 плотников для строительства судов (участвовать в рейдах на ладожские владения Швеции). Челищев, вопреки указу, всколыхнул местных олонецких солдат, переманивая их в свой отряд, и направил их не на Кексгольм, а в приграничное местечко Салми. Салми было захвачено, а Челищев повёл наступление вдоль берега по землям лена. Карелы — и олонецкие, и местные — горячо его поддержали. Тем самым главный, внезапный удар по крепости Кексгольм, который мог бы сразу предопределить исход войны на этом театре военных действий, был сорван. Шведы получили время для укрепления крепости; по прибытии под стены города воеводы Пушкина с олонецкими солдатами Кексгольм имел уже сильный гарнизон, и взять крепость не удалось. Так горячее желание карелов объединить свои приладожские земли и объединиться самим были использованы авантюристом Енаклычом Челищевым «для своей бездельной корысти», как охарактеризовал действие Челищева воевода Пушкин в жалобе на имя царя<sup>40</sup>.

После войны, с массовым уходом карельского населения, оставшиеся в Кексгольмском лене карелы стали национальным меньшинством. А ушедшие карелы поселялись властями не только в Олонецком уезде, но и в Тверском, и в Новгородском. В российской Карелии они участвовали в складывании этнических групп северных карелов, карелов-ливвиков и карелов-людиков, в Тверском составили группу тверских карелов, в Новгородском — тихвинских и новгородских.

Государственная граница 1621 г. разделила целое — этнос. И история пограничного размежевания в 1618—1621 гг., и последующая история показали, что карельский этнос ответил твёрдым стремлением к воссоединению с привычным для него политико-правовым и религиозным пространством России. Неудачная попытка захвата Кексгольмского лена в середине XVII в. ярко засвидетельствовала тот факт, что ликвидация ненавистой границы по-прежнему являлась мечтой карелов, а неуспех кампании предопределил выход большого числа карелов на российскую сторону

---

<sup>40</sup> РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1656. Д. 1. Л. 68—70, 70—73.

пограничной черты. Швеция, хотя и сохранила линию границы 1621 г., была вынуждена признать очевидное: ей не удастся вернуть на свою сторону своих бывших подданных, как не удавалось сделать это и прежде, в мирные годы.

Для российских властей государственная граница 1621 г. постепенно приобрела религиозный смысл «рубежа веры», который нуждался в безусловном отстаивании и охране, даже ценой больших выплат золотом и хлебом взамен «невыдачи единоверцев» Швеции. И в этом политика государства совпала со стремлением к воссоединению двух частей карельского народа, «разлучённых» пограничной чертой. Поэтому в целом феномен русско-шведской границы парадоксальным образом способствовал не разъединению, а воссоединению карельского этноса под эгидой российской государственности.

### Список литературы

*Жербин, А. С.* Переселение карел в Россию в XVII веке / А. С. Жербин. — Петрозаводск : Госиздат КФССР, 1956. — 79 с. — URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=469>. — (01.12.2017).

*Жуков, А. Ю.* Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617—1621 гг. / А. Ю. Жуков // Гуманитарные исследования в Карелии : сб. ст. к 70-летию Института языка, литературы и истории. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2000. — С. 31—36.

*Жуков, А. Ю.* Сямозерье в XIV—XVII веках / А. Ю. Жуков // История и культура Сямозерья. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. — С. 41—106.

*Жуков, А. Ю.* Самоуправление в политике России : Карелия в XII—начале XVII в. / А. Ю. Жуков. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2013. — 492 с.

*Кан, А. С.* Стокгольмский договор 1649 г. / А. С. Кан // Скандинавский сборник. — Таллин : Эстонское государственное издательство, 1956. — Вып. 1. — С. 101—117.

*Кузьмин, Д. В.* Сямозерский участок российско-шведской границы 1621 года (топонимический комментарий) / Д. В. Кузьмин // История и культура Сямозерья. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. — С. 107—112.

*Чепель, А. И.* «Пастухов те воры били до умертвия...»: криминальная обстановка в шведско-русском приграничье после Столбовского мира // Метаморфозы истории. — Псков : Псковский государственный университет, 20014. — № 5. — С. 370—390. — URL: [http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/metami/metami05/metami05\\_23.pdf](http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/metami/metami05/metami05_23.pdf). — (01.12.2017).

Чепель, А. И. «Твёрдые крепости отделяют нас от них...»: проблема безопасности шведско-русской границы в первые десятилетия после Столбовского мира / А. И. Чепель // Псковский военно-исторический вестник. — Псков : Региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» в Псковской области, 2015. — Вып. 1. — С. 71—77.

Чепель, А. И. Преступные сообщества в шведско-русском приграничье в первые годы после Столбовского мира / А. И. Чепель // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы восемнадцатой ежегодной научной конференции (12—13 апреля 2016 г.) / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. — Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия, 2017. — Вып. 18 (1—2). — С. 57—66. — URL: [http://www.aroundspb.ru/uploads/history/sbornik\\_north\\_europe/sbornik\\_north\\_europe\\_2017.pdf](http://www.aroundspb.ru/uploads/history/sbornik_north_europe/sbornik_north_europe_2017.pdf). — (01.12.2017).